

РУССКИЙ И ХЕТТСКИЙ — ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Задача у настоящей статьи простая. И в то же время почти безумная: проверить многолетние наблюдения Вячеслава Всеволодовича Иванова об инициальных структурах высказываний древнейших языков на данных разговорного русского сегодняшнего дня.

Что меня интересует? Два вида партикулярных кластеров: а) кластеры начала, инициальные; б) кластеры внутри высказывания.

Что такое партикулы? Об этом я писала многократно и им как отдельному языковому пласту посвящена моя книга «Непарадигматическая лингвистика» [Николаева 2008]. Повторю кратко: партикулы — это минимальные единицы коммуникативного фонда, из которых слагаются демонстративы, наречия, союзы, некоторые из них становятся частицами, артиклями, детерминативами. Но ни с одним привычным таксономическим классом они не совпадают, но только пересекаются.

Эти элементы интересуют Вячеслава Всеволодовича Иванова давно.

Так, связи микенского синтаксиса и славянского (через ряд переходных этапов) посвящена много раз цитируемая работа Вяч. Вс. Иванова 1979 г. [Иванов 1979]. Обращаясь в основном к микенским данным, Иванов считает сам принцип нанизывания энклитических элементов на начальное опорное слово (речь идет в основном о местоименных элементах) общим индоевропейским принципом. Очень важно его положение о том, что «Сам по себе вводящий элемент при этом может не иметь точно фиксированного значения, поэтому он может характеризоваться тем пучком разных функций (от междометной и дейктической до союзной), которые устанавливаются и для начальных элементов славянского предложения» [Иванов 1979: 42]. Так, он, в свете этих идей, сопоставляет славянское **to-*, ср. русск. *тоже* и хетск. *ta*. Такой элемент он называет катализатором. Особое внимание в этой его работе уделено катализатору **e* (ср. русск. *э-то, э-во* и т. д.). Этот катализатор Вяч. Вс. Иванов отождествляет этимологически с аналогичной частицей **e/o*, вводящей предложение в анатолийских языках; возможно, именно он является «аугментом» при греческом аористе и имперфекте.

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов ([Гамкрелидзе, Иванов 1984: 356] и далее) выделяют «реляционные элементы», являющиеся послелогом по отношению к именной составляющей и превращениями по отношению к глагольной составляющей, и собственно частицы. Первая группа в этом случае составляет правую часть (компоненту) простого предложения. Частицы же, уже обладающие заданными функциями, составляют левую компоненту. Среди них выделяются частицы

инициальные: **nu//*no*, **t[h]o*, **so*, **e/o*. Функциональными эквивалентами, находящимися в дополнительном распределении с **no//ni*, то есть также занимающими инициальную позицию, являются частицы **t[h]o* и **so//su*. Инициальной, вводящей, была также и частица **e/o* (в лувийском выступающая как **a*). Второе позиционное место (то есть середину левой части) занимают местоименные элементы субъектно-объектного характера. Так, для 3 лица единственного числа именительный падеж представлен через **-os*, именительный-винительный среднего рода через **-ot[h]*, дательный падеж через **-se//*si*, винительный — через **-om*. Наконец, крайнюю правую позицию левой компоненты занимают частицы, имеющие видовое или локальное значение.

Особое внимание в фундаментальном труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 359] уделяется элементу **no*. *No* сопоставляется с древнеирл. **no*, литовским *ni-*, общеславянским **nǐ*, старославянским *nǐ*. Существенно то, что он (и его функциональная семантика) входит в современные начинательные (для высказывания в целом) сентенциальные наречия. Он, таким образом, близок и русскому *ныне*, и английскому *now*. Из «частиц», в первоначальной своей функции подчеркивающих и выделяющих одно какое-то полнозначное слово, возникал синтаксически полноценный тип присоединения высказываний в одно целое. Таковы, например, греческие частицы и сходные с ними по функции [Мейе 1938: 375]. Ср.: сходное по функции русское *же*: *Я угovarивал его попросить прощения. Он же никак не соглашался.*

Итак, *no* возводится без особых разногласий к **ni-*, коннектору-актуализатору, передающее нечто актуальное и существенное сию минуту (то есть это семантика: ‘вот-здесь-сейчас’).

Это связано в свою очередь с реконструируемыми двумя формулами соединения предложения в древних индоевропейских языках. Обе они выводятся из первоначального бессоюзия, а соединяющие частицеобразные дискурсивные элементы впоследствии грамматикализуются.

1) Согласно первой модели, в абсолютном начале высказывания располагается комплекс клитик, отражающий дальнейшее развитие синтаксической цепочки из полнозначных слов. Комплекс этот как бы «навешивается» на первую, абсолютную инициальную единицу: **nu//*no*; **t[h]o*; **so*; *e/o* [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 359]

Ni- являлось в этом смысле начинательным элементом. Приведем пример хеттского текста из книги [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 356]¹:

ni-uš-ša-an A.N.A. Ma-ad-du-ua-at-ta še-er za-ah-hi-ir («И они сражались за Мадуватту»); *ni-uš-ma-aš-kán LU IGI.NU.GÁL. LU.Ū.HUB pi-ra-an ar-ha[pe]-hu-da-an-zī* («И они ведут слепого и глухого перед собой»).

2) Вторая модель соединения предложений в индоевропейских языках оформлялась из начального, так же бессоюзного, примыкания. Авторы делают вывод: «Таким образом, левая компонента индоевропейского простого предложения состоит из последовательности ячеек, заполняемых соответствующими частицами в

¹ Существенно, что это хеттское *ni-* переводится ими всюду как ‘и’.

строго определенном порядке. Крайне левая ячейка представлена вводными частицами, крайне правая — частицами с видовой и локально-эмфатической семантикой. Между ними располагаются элементы, передающие субъектно-объектные отношения, в нормальной последовательности: субъектная частица {s}, косвенно-объектная частица {ó}, объектная аккузативная частица {o}» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 361—362].

В этом очень ясном описании остается все же неопределенным вопрос о том, можно ли считать партикулами **все элементы**, в дальнейшем начинающие выполнять роль провербов или предлогов?

Более определенная позиция относительно членения индоевропейского предложения выражена Вяч. Вс. Ивановым в его книге 2004 г.: «Более вероятным для хеттского и индоевропейского праязыка была бы модель, предполагающая функционирование начального комплекса энклитик как отдельной части предложения наряду с глаголом» [Иванов 2004: 48]. См. далее: «Наибольший интерес представляет разнообразие семантики частиц, входящих в такие комплексы в анатолийском. В них выражено все существенное, как бы сокращенный сгусток грамматической информации о предложении, выносимый в его начало как резюме статьи ⟨...⟩. В полисинтетических языках соответствующие по смыслу морфы инкорпорируются в глагольную форму ⟨...⟩. В языках второго типа можно принять двучленную схему предложения, включив множество обозначений субъектно-объектных отношений в глагольную фразу. В языках типа анатолийских это невозможно и предложение не менее чем трехчленно. Те группы частиц, с которых начинается в них предложение, включают и первое слово, которое вводит предложение и может быть проклитическим» [Там же].

Современная наука определила не замечавшееся ранее совпадение ряда партикул у глагола и имени. Вяч. Вс. Иванов назвал их «субморфами» [Там же: 30]. См.: «Выделение субморфов может оказаться полезным для установления связей между морфами, позднее разошедшимися, но восходящими к одному источнику. В то же время нелегко избежать опасности ошибочного объединения морфов, исторически друг с другом не связанных» [Там же: 31].

Но я обращаюсь к современному русскому языку. Мною использован Национальный корпус русского языка, составленный при ИРЯ РАН, и весь дальнейший материал, на который я опираюсь, взят именно оттуда.

Но сначала несколько слов об особенностях русского языка. Русская кодификация предпочитает графическую дистантность партикул. Поэтому в этимологических словарях будут представлены как отдельное слово *atoli*, *ajakže*, но русские комбинации *a + to + li* (*А то ли еще будет!*), *a + как + же* (*А как же моя книга?*) будут рассматриваться только как словосочетания. Для меня же словосочетание вроде *Это вот как надо делать* предстает как *э + to + (v)o/e + ть + ка + кь надо делать*. Точно также *Кто это?* предстает как *кь + to + э + to*.

Графическому оформлению способствует и такой фактор как грамматикализация партикульных сочетаний: одни из них, соединяясь, становятся местоимения-

ми: *нѣ* + *къ* + *то*, другие — союзами: *не* + *у* + *же* + *ли*, третьи — местоименными наречиями: *та* + *мъ*. Наконец, некоторые грамматикализовались в изолированном виде и стали союзами, частицами, артиклоидами и под.

Что же именно определялось по данным Национального корпуса русского языка?

Определялись два фактора:

- В каких случаях в высказывании в неинициальной и нефинальной позиции появлялся кластер (скопление) партикульных элементов?
- Существуют ли в современном русском разговорном языке тенденции к оформлению начала высказывания партикульными кластерами и с какими именно партикулами это связано?

Из данных Национального корпуса русского языка ИРЯ РАН были выбраны данные живой публичной речи (беседы на ТВ, лекции, дискуссии и под.) и данные живой непубличной речи (разговоры на улице, разговоры дома, споры подруг и т. д.).

Всего в нашем распоряжении оказалось 1276 контекстов (развернутых синтаксических целых).

Таким образом, каждая партикула исследовалась на фоне как публичной, так и непубличной речи.

Какие же именно партикулы были мною отобраны? Специально подбирались два типа партикул:

1. Те, которые могут выступать в абсолютном начале высказывания: А, И, ВО + ТЪ, НУ, НО, ДА, ЧЕ-ГО, ЧЬ-ТО;
2. Те, которые, как правило, инициальными не являются: ЖЕ, ЛИ, ТО, НЕ (последняя партикула двуфункциональна).

Результаты исследования излагаются по следующей иерархизованной схеме.

- Партикулы, как правило, **грамматикализованные** настолько, что могут употребляться изолированно и иметь свое функциональное место в грамматике.
- Партикулы, вошедшие в **фразеологизованные** словосочетания.
- Кластеры партикул, группирующиеся **вокруг местоимения**.
- **Чего?** или **Что?** — различие в функциональной нагрузке в вопросе.
- **Ну** — звукоподражательное междометие или скрытая архаика?

Можно заранее себе представить, что ряд положений, излагаемых в настоящей статье, и даже конечные ее выводы будут восприняты по крайней мере скептически (если даже не удивленно). Эти предполагаемые реакции определятся, как представляется автору, следующими презумптивными установками: во-первых, как уже говорилось выше, словосочетания рассматриваются с «точки зрения партикул», поэтому выражение вроде *Вот оно как!* предстает как (*е*) + *е/о* + *т(ъ)* + *он* + *е/о* + *κ(V)* + *къ*, хотя автору прекрасно известно, что «на самом деле» с точки зрения «нормальной лингвистики» это выражение состоит из трех слов, принадлежащих к разным частям речи: частицы, местоимения и местоименного вопро-

сительного слова; во-вторых, почти невозможно представить себе, что современный русский язык может хранить в почти неизменном как в плане выражения, так и в плане содержания виде элементы самой глубокой индоевропейской архаики (прежде всего это касается частицы *ну*). Однако подобные проблемы обсуждались, как кажется, достаточно аргументированно в моей статье о «скрытой памяти» языка [Николаева 2002].

- Итак, изолированно, как правило, употребляются частицы максимально **грамматикализованные**, то есть вошедшие в привычную частеречную таксономию. Такова, например, отрицательная частица *не*:

Какой ты сдержанный, даже не похож на тебя; Фильмов пока новых не посмотрел; Монитор не работает с этой платой; Почему дома учиться не осталась?; Троллейбуса полчаса не было.

Таков и противительный союз *но*:

Есть просто МЗЗ, но он нужен; Есть какие-то училища, но ниче приличного; Там, конечно, красиво все, но жить там невозможно; Стажировался у Карояна, но Кароян оттуда ушел.

Грамматикализации подверглась частица *и*, превратившаяся в сочинительный союз:

Просто приходишь к Толстяку попить чаю и записываешь все; Пришел за необходимым и решил себе взять еще всякого для развлечения; И на сиденье? — И на сиденье; Голосование проходило и на официальном сайте Премии, и основной масированный удар по голосованию был сделан на выставке-форуме.

Фамилия вам безусловно известная, кроме фонетики и фонологии он еще много занимался проблематикой языковых союзов.

Необходимо обратить внимание в последних примерах, что во всех случаях *и* выступает в функции сочинительного союза в пределах **одного** предложения.

Не всегда вопрос об изолированном употреблении частицы является столь простым. В потоке речи возникает подобие бинарного дистантного изолированно-го кластера частиц, каждая из которых уже грамматикализована. Такова, например, ситуация с *а* в функции сопоставительного союза, так как во всех представленных примерах *а* обязательно сопровождается частицей *не*:

Большое количество фирм не представляет на наше требование таких данных, а пытаются финансировать свою продукцию; Цены растут, а зарплата не прибавляется; Часть вопросов анкеты выглядят любопытно с точки зрения даже не коррумпции, а оценки деятельности; Сегодняшний акцент — сохранить этот строй, а не менять его.

- **Фразеологизация** в известной степени есть нечто, родственное грамматикализации. Поэтому из интересующего меня корпуса данных были удалены (и выявлены) отработанные временем фразеологизованные словосочетания

партикул, ставшие как бы единым целым. Частеречно это были, как правило, сочетания местоимения с частицей и знаменательным словом, но могли быть только сочетания партикул или даже одной партикулы со знаменательным словом:

А как вы считаете /; А вы как считаете /; А дальше что /; А что дальше /; А что это за (праздник) /; А что касается... /; А по большому счету... /; А мне кажется /; А почему /; А ты что.

(Ты больной), что ли /; (У тебя на мейле), что ли /; (Сварить), что ли, (первое ему) /; (Странноприимный дом), что ли /; (В три часа), что ли /; (Вот эти), что ли /; (Коробку эту круглую), что ли /; (Ну что здесь только один продавец, что ли).

(Там совсем другой), понимаешь ли, (образ) /; (Но в общем), понимаешь ли (это такая эстрадная манера) /; (Там), понимаешь ли, (уже тесное общение) /; (И ты), понимаешь ли (значит ну выгородка стоит ширмами).

Ну да; Ну давай; Ну ладно; Ну вот; Ну надо же.

Да ну; Ну это да; Ну как вы; Ну и что.

Не надо (здесь скандалить) /; Не знаю (?).

Да что ты /; Ну и что же /;

Да ладно /;

И что /; И что там /; И вот.

Вот такие (дополнения) /; (Общие) вот такие /;

Вот так /; Так вот /; Вот это..; Вот и все.

Вот видите (уже подобрались отличные игроки) /; Вот видите (разные мнения) /;

Это же (несерьезно) /; Это же (само получилось) /; Это же (бюджетники) /;

Опять же (вашиими словами) /; (Ну как «цапля» например там... «на цыпочках») опять же /; Опять же (хочется спросить) /; (Ходят смотря) опять же (воспитывают);

А как же.

Возможно, в русском языке таких фразеологизованных словосочетаний на базе партикул гораздо больше; возможно и то, что часть приведенных примеров — это не фразеологизмы, а настоящие партикулярные кластеры. Однако в любом случае приведенные примеры опровергают распространенный тезис о том, что одни только частицы (партикулы) быть законченным высказыванием не могут.

- Двигаясь от более очевидных фактов к менее очевидным и потому, быть может, более интересным, я хочу обратить внимание на тесную связь партикулярного кластера с местоимением, которое часто помещается внутри кластера, что, впрочем, необязательно.

На не совсем понятную связь местоимений друг с другом, когда наличие одного из них предполагает обязательное наличие другого, которое в других ситуациях может быть опущено, обратила внимание в своих работах о местоимении я И. Фужерон [Фужерон 2004; 2007 и др.]. Приведем несколько ее примеров: *Я тебе сразу позвоню, как только что-нибудь узнаю; Я его совсем не знала; Может быть, я чего-то не понимаю.* Во всех этих примерах я опустить нельзя.

Множество примеров подобного рода находим в Национальном корпусе русского языка:

Юрий / а *вы* что слышали; А какие *они*/ это уже другой вопрос; А почему *вы* так считаете; А уже даже сказал *кто-то*; Да *он* что-то говорил; А *вы* как к нему относитесь; А *кто* не хочет/ тот ничего и не увидит; Союз предпринимателей/ *они* сами / а не *кто-то* там еще; Подождите/ а это *что мы* не можем трактовать как меру забывчивости; Вот *мы* и пытаемся выяснить / как нам заставить *их*; Визуальный ряд / а как нам с *вами* прекрасно известно, в клипе самое главное/ это визуальный ряд; Там вообще *всем* все равно, как *кто* любит / с кем когда; Не, ну а *ты* что думаешь; А *что* это *вы* тут делаете; *Ты* дай *ей-то* что-нибудь почитать; Ааа/ ну слава Богу/ а то я уже напугалась; А то я уж подумал/ может/ заболела; А чего ж *ты* у *меня* не спросила; Но *ты* понимаешь/ надо это *мне* просто позвонить; Вы нашли *ему* работу-то; А как *он* достал-то; Слушай / ну как *ты* съездила-то; Я же килограмм-то лука для *меня* когда-то заказывали; Но я с *ней* решила поговорить/ ну/ интересный человек; Ну и за *кого они* будут голосовать; Нет/ я еду не к *Алене*/ ну, к *ней* конечно тоже; Ну *вы* помните/ *мы* собирались/ наверное/ год назад; Например.... Там... ну *меня* в этом *никто* не поддерживает; Ну, приду я к *нему* / *он* *меня* выслушает; Ну, *она* типа сказала, что я с *ней* не хочу больше встречаться из чувства мести; Это *она* *мне* говорила, что не глупая; Так *ты* *мне* договорить не дала; *Тот* *мне* чем-то не понравился; Только вот *мне* кажется, что *она* тут как-то здоровее, что ли; Но *она* реально симпатичная, *мне* *она* нравится.

Число приведенных примеров можно увеличить в десятки, если не сотни, раз. Анализируя их, легко увидеть две тенденции: а) местоимения тянутся друг к другу; б) местоимения почти всегда окружены партикулами: частицами, союзами, междометиями.

Интерпретировать эти данные нетрудно. Может быть, труднее выстроить иерархию причинобразующих факторов.

Во-первых, партикулы чаще всего возникают в не первой абсолютно реплике. (Более подробно об этом будет говориться ниже.) Естественно, и местоимения, как правило, выполняющие анафорическую, то есть заменяющую функцию, встречаются также в не первом абсолютно высказывании. Для живой разговорной речи не первым можно считать и высказывание, вообще предваренное **чем-то**: например, невербальным действием. Скажем, если человек, долго отсутствующий, входит, его могут встретить фразой: *Ну, как вы отдохнули?* или *Ну, как Вам они понравились?* (если объект речи известен заранее).

Во-вторых, сами местоимения (не 1 и 2 лица обоих чисел), как уже давно определено лингвистами, сами восходят по большей части к кластеру партикул, вроде *о + нь*, *то + ть*, *къ + то* и т. д. Грамматикализовавшись, они объединяются в одной парадигме с местоимениями не партикулярного происхождения, которые тоже втягиваются в эти разговорные модели.

Наконец, напомним, что установка настоящей статьи — показать следы глубинной архаики в современном русском языке, в его живой речи. Эта попытка есть еще одно стремление выявить «скрытую память» языка. В моей статье [Николаева 2002] в качестве одного из критериев наличия «скрытой памяти» приводится возможность для носителя языка «сказать и так, и так», и обе структуры будут пра-

вильными. И в примерах, приведенных выше, можно местоимения заменить, например, на имена собственные: *Ну, приду я к Сергею / Сергей меня выслушает; Но Маша реально симпатичная, мне Маша нравится* и под. Но почему-то число таких примеров в Национальном корпусе ничтожно мало. И здесь мы сталкиваемся с той оппозицией, вернее, с тем полем, на которое еще не ступала нога лингвиста: а именно — с разницей между примерами **возможными** и **правильными** и примерами **реальными**.

- Партикулы тянутся друг к другу и без местоименного центра. И именно начало высказывания бывает украшено таким партикулярным пучком².

Ну а так вот / бежать и как бы стучать / это тоже не очень-то приветствуется;

Ну а что (че) тут сказать; А вот что значит почти / я не совсем поняла; Там понимаешь ли уже тесное общение / уже когда просто это / ну вот Маршалл она всегда вызывала такие / понимаешь / ответную реакцию у всего зрительного зала/ но это опять-таки / это так сказать...ну...вершина что ли; Ну что ж / будет с чего начинать следующую часть нашей беседы; Ну вообще вот это / Грызлов/ орден; Ну это / прикольно/ конечно; Ну что ж это/ дождь никак не кончается; Ну так это в четверг; Чего так; Ну и чего там; Ну а чего рассказывать-то;

Но как-то чувствую/ так сказать; Да так не очень-то / на два хозяина; И вот почему; И тут / было мнение; Вот/ но как-то с Майклом я / честно говоря /не знаю.

Кластеры партикул могут быть дистантными: *Да это в принципе-то не от цвета волос зависит* (да + е + то + то); *А почему нет-то* (а + то); *А по новой переписываться / это уже только на начало сентября* (а + е + у + же + то + ли + ко); *Слушай, ну как ты съездила-то* (ну + кА + кь + то); *Так что погода-то теплая / но дождь* (та + кь + чь + то + то).

Может казаться, что кластеры возникают в центре высказывания, но на самом деле это тоже паратактическое начало, поскольку в разговорной речи внешние и внутренние союзы различаются просодически мало:

На жаре я там не хочу жариться/ но так вот / в хорошую погоду/ немножечко хоть подзагореть; Они ж целый день только на гондолах разъезжают / но они же деньги зарабатывают; ну а струнных у нас конечно очень мало/ но тем не менее в Малом зале вот мы как-то так усядемся / и.. такие не очень громкие симфонии / там ну такие как там Моцарт что-нибудь / даже там Брамс иногда играли; Она же пришла и сказала / что ей очень нравится Оля / помнишь она говорила /когда пришла / что вот Оля.. а потом поменяла мнение; Это предположим / не самое мое любимое / но это вполне себе / вкус там и так далее; И вот если там выдаст она эту возвышенную пошлятину / которую она время от времени порет/ мы ее прямо спросим об этом как это / получается.

Естественно возразить, что партикулы (часто изолированные и грамматикализованные) могут не начинать, а заканчивать высказывание: *Хоть кто-то приехал к ней / да; Что-то сильно много/ да; Но подлечили хорошо/ надо сказать / да*

² Интересно, конечно, сравнить пучки инициальных партикул в живой речи и в пьесе, пусть даже активно имитирующей живую речь.

ведь. Очень тонкий и подробный анализ заканчивающей высказывание партикулы *a* с ее побуждающей иллокутивной семантикой дано И. А. Левонтиной [Левонтина 2000]. Левонтина сравнивает *a* с другими заканчивающими высказывание компонентами, например, с *да*. Она совершенно верно говорит о невозможности перевода подобных конструкций, но все же в заключение в ее статье говорится о том, что *a* «вовлекает в диалог». Следовательно, это тоже начало, точнее мостик к началу реплики Другого, ее преддверие.

- Следующая проблема — различие в живой речи *чего?* и *что?*, как будто употребляющихся почти синонимично, причем *чего* звучит как грубая ошибка малоинтеллигентного человека, путающего родительный и именительный падежи вопросительного местоимения.

Действительно, иногда это выглядит так:

У Иванова спроси / может / он чего знает; Чего там написать можно; Вот чего я хотела сказать; Я / знаешь / чего/ я вот это возьму; А чего она такого делала-то; Мам / чего мне надевать; Ты чего / Мить.

В некоторых случаях *чего* с такой же несомненностью является именно родительным падежом (см. соотв. управление): *В честь чего салют*; *У нас и животик, и кашель, и насморк, и чего только нет*; *А от чего они*; *А по поводу чего хотела нахамить*.

И все же в ряде случаев очевидно, что *чего* приобретает в живой разговорной речи значение ‘почему’, ‘зачем’ и несомненно является их речевым синонимом:

А чего ж ты у меня не спросила; Чего так; Чего ты мерзнешь; Чего к Пушкиревой на дачу не поехали; Ну/ чего они там встречаются; Ну, чего я тебе объясняю; Люсь/ а ты чего звонишь и т. д.

Разумеется, во многих случаях подобного рода можно (и нужно) заменить это *чего* на *что* или *почему*, *зачем*. Можно и, напротив, пренебрегая нормой, в ряде высказываний заменить *что* на *чего*:

А что это вы тут делаете; А ты что думаешь; Ты что не звонишь; Что мне делать с головой; Ну что ж это дождь не кончается.

Однако есть языковые ситуации, когда *что* невозможно заменить на *чего*, даже в речи малообразованных людей. Это — *что* после *verba dicendi* или близких к ним, когда *что* начинает придаточное предложение:

Ну, она типа сказала, что я с ней не хочу больше встречаться из чувствамести; Я сказал, что я мшу тока своим врагам, а она для меня уже никто; Она типа мне сказала, что это я — «никто»; Это она мне говорила, что не глупая; А мне кажется / что много; Только вот мне кажется / что она тут как-то здоровее / что ли; Почему-то я уверена/ что тут у меня будет возможность заработать на свой кусок хлеба с маслом; Вообще / мне/ конечно / говорили / что Москва / это жестокий город/ который ошибок не терпит и не прощает; А не боишься / что после универа начинать поиск уже поздно будет; Вот он решил что только так и надо;

Сказала что в воскресенье к нам заглянут; Я потому и говорю что / там мне «ой! Ну что-о вы?».

Таким образом, *что* и *чего* «состязаются» в инициальной позиции, особенно окруженные другими кластерами партикул. Более того, *чего* как бы раздвоилось: с одной стороны, оно стало родительным падежом от *что*, войдя в его парадигму, с другой стороны, оно стало его же синонимом, приобретя дополнительный оттенок вопроса о причине. Почему? И здесь необходимо обратиться к диахронии. *Че-го* содержит ту же партикулу *-го*, что и *је-го*, *сине-го* и т. д. Об этой партикуле написано довольно много.

Так, достаточно подробно об этом пишет А. Мейе [Мейе 1938: 349]: «Что касается элемента *го*, то он может быть частицей, сохранившейся в славянском языке в составе сложной частицы *не-го* (после сравнительной степени) и соответствующей скр. *gha*, подобно тому, как же соответствует скр. *ha*. Таким образом, родительный-отложительный падеж должен был иметь старую форму **ta-go*, изменившуюся в *то-го* под влиянием других форм склонения: дат. п. *томуу*, местн. п. *томь*, возможно, также под влиянием сохранившегося старого род. п. **to-so*, так как показатель *-*so* сохранился в вопросительном неопределенном местоимении ЧЕСО. К тому же, вполне вероятно, что употребление *то-го* как родительного-винительного падежа является древним; в самом деле, если, как мы предположили в п. 470, старое конечное *-*on* дает **to* и **ть* в зависимости от выразительности, с какой произносилось окончание, то старый вин. п. **ton* должен был дать *то*, когда хотели подчеркнуть его указательное значение, и вин. п. *то-го* должен был бы явиться фонетически. И действительно, старое **jon* дает, с одной стороны, энклитическое анафорическое (указательное) местоимение *и* (*jb*), которое в именительном падеже имеет эту форму даже в тех случаях, когда речь идет об одушевленных предметах, а с другой — ударный винительный падеж относительного местоимения *је-го* для названий одушевленных предметов. Тот факт, что тип *то-го* сохранился для названий лиц и вообще одушевленных предметов, хорошо объясняется вопросительно-неопределенным местоимением *ко-го*, противопоставляемым род.падежу *че-со*, сохраненного для названия неодушевленного предмета. Поэтому совпадение род.-отложит. п. *togo*, (замещающего **tago*) и вин. п. *togo* можно считать чисто случайным. Таким образом, употребление общей формы для родительного-отложительного и винительного падежей единственного числа мужского рода названий одушевленных предметов становится вполне ясным».

Со времен А. Мейе по этому вопросу накопилась большая исследовательская литература. Так, например, в книге Ф. Шпехта [Specht 1947: 364] написано, что славянские генитивно-аблативные конструкции на *го* состоят «demnach aus Zusammenrückung der slav. Stämme *jo-* und *to-* mit dem Pronominalstamm *go*. Dabej verhält sie *go zu ko* (...). Da *k* und *g* im Anlaut wechseln, kommen Formen wie lat. *hic* aus **ho-ce* mit *ke* dem *go* in slav. *to-go* sehr nahe». [«эти конструкции состоят из комбинации славянских корней *jo-* и *to-* с прономинальным корнем *go*... Так как *k* и

g в анлауте могут заменяться, то формы типа лат. *hic* < **ho-ce* с корнем *ke* очень могут быть близки к слав. *то-го*»].

Разнообразные взгляды на этот предмет изложены в статье К. Шилдза, специально посвященной окончанию *го* у славянских местоимений в родительном падеже единственного числа [Shields 1997]. Говоря коротко, его позицию можно свести к двум основным положениям:

1. *-Го* — это одна из наиболее распространенных и частотных частиц (партикул) индоевропейских языков. («A particle in **ghe / o* is traditionally reconstructed for Indo-European» [Ibid: 87]). В русском языке (и других славянских), употребляемая изолированно, она известна как *же*. В своей первоначальной форме она сохраняется в сравнительной частице *не-го*.
2. Местоимения в целом отражают более архаичную парадигму, чем имена («it is generally recognized that the pronouns reflect a more ancient paradigmatic structure than nouns»).

Таким образом, генетически ЧЬ + ТО и Ч(Ь/Е) + ГО функционально являются тождественными (но *чего* в инициальной позиции заменяет бывшее архаическое *че + со*). Это еще один довод в пользу существования «скрытой памяти» языка.

Последний вопрос, затрагиваемый в настоящей статье, — это вопрос о возможности / невозможности описать семантику русской частицы *ну*. В Этимологическом словаре славянских языков [ЭССЯ 1999: 31] говорится, что «Праслав. **nu* — исконно, вероятно, междометие звукоподражательного происхождения, ср. соотносительные по функциям **na*, **no*, **ny*. На и.-е. уровне можно говорить лишь об элементарных соответствиях». Функциональная семантика этого русского слова описывается так подробно и так разнообразно (вплоть до загадочного «усиливает выразительность речи»), что вызывает некие подозрения, которые я в дальнейшем надеюсь подтвердить. В диалектной русской речи *ну* часто употребляется в функции противительного союза (впрочем, это не отрицается и в ЭССЯ 1999). Так, Р. и Л. Касаткины приводят примеры: *Девка на личность хорошая, ну маловата; Ели плохо, кормили нас — пятисотка. Ну я ее не ела, пятисотку, я всегда двести грамм добавочного получала; Она понимают по-русски, ну говорит очень чужало* и под. [Касаткины 2004: 92—93].

Национальный корпус русского языка демонстрирует богатейший свод примеров с *ну*, которое оказывается практически доминирующей не первой репликой. Под «не первой» я понимаю вербальную реакцию на что-то предшествующее. Оно может быть вербальным: *Расскажите же, как там было!* или невербальным: например, человек входит в комнату после отпуска и его встречают: *Ну, как? Понравился Таиланд?*

В отличие от предшествующих элементов, *ну* различается по тому, употребляется ли эта частица в публичной или в непубличной речи. Заранее скажем: в публичной речи ее семантика менее диффузна, и можно, хотя и с трудом, выявить несколько отличающихся друг от друга семантических параметров.

Например, *ну* может выступать, вводя **пояснение**:

Но я с ней решила поговорить / ну / интересный человек / и она начала себя вести / как больная; Но / возвращаясь к теме доклада / ну / об одной перспективе я сказал / до 15% электората в ближайшие годы / это совсем не плохо; Ну/ им деваться некуда; Нет/, ну по крайней мере он знает / что ему хватит и на образование / и на..; Поэтому «знаменитая певица» / ну это правда / не обо мне; Ну есть первый этап / второй этап;

— вводит *пример*:

Ну / Болгария / Прибалтика вся / Польша / Словакия..; Ну / Бузникин / он разноплановый игрок; Почему нам / болельщикам / запрещают зажигать фэйера... ну использовать пиротехнические средства; Это обязательное лечение / максимально хорошее из того/ что возможно в пределах России / ну/ естественно питание/ отдых; Такие люди... ну я не знаю... как Борис Гребенщиков; Был очень хороший в конце пятидесятых / ну до конца шестидесятых; Ну вот/ например/ как бы я помогла;

ну в центре высказывания часто вводит *чужую прямую речь*:

Он говорит / ну/ нормально; Хорошо / ну «знаменитая» / это не нам судить;

ну сопровождает *реплику-ответ*:

Ну естественно; Ну / а что в этом плохого; Ну / это к вопросу о том/ что война будет / в любом случае; Ну раз это было/ я думаю/ это для нас урок; Ну/ кричать вообще не хочется; Ну конечно / бицепсы/ во-первых; Ну / и еще какие варианты; Ну/ конечно/ «Матрица».

Однако в большинстве примеров *ну* является неким абсолютным началом, но в то же время началом-ответом, то есть не первой репликой (лектор начинает, видя собравшуюся аудиторию):

Ну/ по той теме/ которая сегодня обозначена/ трудно сделать всеобъемлющий доклад; Ну/ для начала / конечно/ хотелось бы избежать дефиниций; Ну что ж/ будет с чего начинать следующую часть нашей беседы; Ну/ вы помните/ мы собирались/ наверное/ год назад/ и были вопросы смены цвета.

Подобные примеры можно легко умножать.

Несколько иную картину демонстрирует *ну* в непубличной речи. Чаше всего — это просто начало каждой реплики при разговоре:

Ну, она типа сказала, что я с ней не хочу больше встречаться из чувства мести; Ну, у нее сначала любовь-морковь была ко мне, все дела; Ну реально позвони сама туда; Ну это-то еще он заработал/ как я поняла/ в армии; Ну как можно идти на работу в такую погоду; Ну сказали / что уже к Пасхе будет тепло; Ну мы с Наташкой с сестрой сходим на балет и т. д. Только в некоторых случаях можно увидеть отчетливую семантику побуждения: *Ну/ что здесь только один продавец что ли* или подтверждения: *Слушай/ ну кошмар/ конечно.* Именно эта размытость семантики разговорного *ну* порождает, как кажется, обилие фразеологизмов с этой партикулой: *Ну/ давай; Ну что; Ну ладно; Ну надо же; Да ну; Ну это да;*

Ну как вы; Ну не знаю — чувствуется, что именно такое *ну* нуждается в подкреплении другими партикулами.

Выше говорилось о несколько подозрительной по разнообразию спектров семантике *ну* в этимологических словарях. Представляется, что здесь именно применимы слова В. Н. Топорова по поводу и.-е. **lai*: «Вместо того, чтобы ориентироваться на поиск единой и достаточно четко очерченной формы, в которой можно было бы видеть первоисточник всех остальных (или, по меньшей мере, форму, наиболее близкую к нему), в данном случае целесообразно сменить установку и считать именно этот хаос первичной (или ранней, или — еще точнее — периодически возникающей и в той или иной мере всегда присутствующей) ситуацией, из которой только и можно определить — поневоле обобщенно и лишь с определенной степенью вероятности, — каким образом из флуктуирующей совокупности фактов выделился и подвергся категоризации элемент» [Топоров 1984: 426]. Таким образом, наше русское *ну* представляется некоей не имеющей точной семантики единицей.

Обратимся — сквозь тысячелетия — снова к хеттскому *ni*. Как пишет Вяч. Вс. Иванов (январь 2008, личное письмо): «С точки зрения сравнительной фонетики (вост.-)славянское “ну” отличается от “но” < др.-русск. НЪ < и.-е. Nu. Начальное “ну” < праслав. Nu должно восходить к *neu- (если бы не дифтонг, ожидался бы “ер” *ъ=и сверхкраткое, как в противительном “но”). Но такая реконструкция возможна и в случае хеттского *ni*, которое либо из **ni*, либо из **neu*». Напоминаю, что хеттское *ni* Гамкрелидзе и Иванов переводят как «и вот», «и», а семантику этой частицы Вяч. Вс. Иванов характеризует как «знак продолжения рассказа. Чаще всего что-то должно предшествовать. Но самостоятельного значения у этого знака нет» (февраль 2008, личное письмо). Вяч. Вс. Иванов прислал мне далее по почте соображения нидерландского хеттолога, женщины, работающей в Чикаго, которая считает, что *ni* все-таки имеет значение. Так, если король не знает своего преемника, он употребляет просто *kwi* ('кто'), если же в начале добавлено *ni*, преемник известен. Исследовательница спрашивает (о других языках): «Do they have the same phenomenon, or is it typically Hittite?». Итак, в современном русском, если мы спросим: *Кто у нас выбран?* (это, может быть, и никто!), но: *Ну, кто у нас выбран?* — явно предполагает избрание состоявшимся. Или другой пример: X встречает свою одноклассницу, которую не видела давно, и спрашивает: *Кто у нас родился?*, имея в виду детей или внуков, но где-то все же допуская, что не родился никто. Вопрос: *Ну, кто у нас родился?* предполагает, что X известно, что кто-то обязательно должен родиться и что сведения эти свежие (тем самым в *ну* где-то гнездится и *нынѣ*, и *now*, соотносимые с хеттским *ni*).

Заканчиваю свою статью тем, что некоторые мои соображения о сходстве русского *ну* и хеттской частицы были сообщены Вячеславу Всеволодовичу через океан и он ответил: «Очень вероятно».

ЛИТЕРАТУРА

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. Г., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. 1. Тбилиси, 1984.
- Иванов 1979 — *Иванов Вяч. Вс.* Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Иванов 2004 — *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. М., 2004.
- Касаткины 2004 — *Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л.* Некоторые текстовые коннекторы в региональных и социальных разновидностях русского языка (*а, но, ну*) // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004.
- Мейе 1938 — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Николаева 2002 — *Николаева Т. М.* «Скрытая память» языка: постановка проблемы // *Вопр. языкознания*. 2002. № 4.
- Николаева 2008 — *Николаева Т. М.* Непарадигматическая лингвистика (история «блуждающих частиц»). М., 2008.
- Топоров 1984 — *Топоров В. Н.* О специфике балт. **lai* и его индоевропейских параллелях: на стыке морфологии и синтаксиса // *Балто-славянские исследования*. 1983. М., 1984.
- Фужерон, Брейар 2004 — *Фужерон И., Брейар Ж.* Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004.
- Фужерон 2007 — *Фужерон И. И.* «Я» и его капризы // *Язык как материя смысла*: Сб. ст. в честь акад. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
- Левонтина 2000 — *Левонтина И. Б.* Русское финальное *а?*: портрет невидимки // *Слово в тексте и в словаре*: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- ЭССЯ 1999 — *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 26. М., 1999.
- Shields 1997 — *Shields K.* On the origin of the Slavic pronominal genitive singular ending *-go* // *International journal of Slavic linguistics and poetics*. XLI. 1997.
- Specht 1947 — *Specht Fr.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.